

УДК 323 (470)

DOI: 10.17223/1998863X/52/22

И.Б. Фан

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Исследуется проблема реального содержания гражданства в России, степени реализации в данном институте западноевропейской модели национального гражданства. Раскрываются основные положения современной концепции национального гражданства, главные характеристики модели гражданства эпохи модерна и ее динамика в условиях глобализации. Дается авторская интерпретация содержания института гражданства. Анализируется соответствие политико-юридической формы и содержания гражданства в российских условиях.

Ключевые слова: гражданство, подданство, нация, национальная идентичность, политическое участие, государственный суверенитет.

Проблема определения реального содержания российского гражданства требует рассмотрения ряда теоретических задач. Приобрел ли институт гражданства РФ качественно иной характер по сравнению с советским гражданством? В какой степени в нем реализована модель западноевропейского гражданства эпохи модерна? Насколько в политических и юридических практиках российского государства воплощено гражданство как «двустороннее отношение гражданина и государства» («Закон о гражданстве РФ» 2002 г.)?

Представления о гражданстве в отечественной политической науке основаны на западноевропейской парадигме эпохи модерна. В ней выделяется два аспекта существования гражданина: в качестве объекта государства – подданного, пассивного члена политического сообщества, и как политического актора, обладающего конституционными правами участия в управлении нацией-государством. Истоки современной концепции гражданства восходят к идеям Т. Маршалла, который анализировал влияние концепции прав гражданина на структуру социального неравенства [1]. На эволюцию института гражданства в западноевропейских странах на протяжении XIX–XX вв. влияли два процесса: процесс расширения объема прав индивидов, признаваемых гражданами, и процесс постепенного распространения гражданства на новые категории населения (низшие классы, женщин). Т. Маршалл осуществил анализ первого процесса через динамику трех компонентов гражданства: собственно «гражданского» (*civic* – основные личные права и свободы), политического и социального [2. С. 83]. В XX в. эти три группы прав были объединены в единый статус гражданина. В странах Западной Европы и США гражданство стало уравнивающим механизмом, нивелирующим противоречия, порождаемые неравенством, связанным со становлением капитализма и системы представительной демократии.

Под влиянием тенденций транснационализации, глобализации и массовой миграции модель национального гражданства начала претерпевать трансформацию [3]. Этот процесс в 1980–1990-е гг. вызвал дискуссию между

последователями и критиками концепции Т. Маршалла. Обсуждались проблемы социального неравенства [4], формирования нации [5], развития политического содержания понятия «гражданин» [6], формирования гражданского общества [7], трансформации гражданства [8]. Анализу были подвергнуты разные аспекты проблемы – через соотношение с понятиями демократии [9], нации и национализма [10], гражданства [11], национальной идентичности [12]. Исследуя режимы гражданства разных стран, эти авторы развивали представления о специфическом соотношении трех групп прав в структуре гражданства в зависимости от конкретного политического контекста. Представители отечественной политической науки акцентировали внимание на проблеме специфики эволюции нации и гражданства в российских условиях, а также на анализе концептуальных основ современного гражданства [13], понятиях политической культуры [14] и культурных различий [15], корпоративного [16], транснационального и космополитического гражданства [17]. Б.Г. Капустин главной проблемой считает не эволюцию государственного института гражданства, а становление гражданина как члена гражданского общества. Таковое он рассматривает как «форму производства политической субъектности» [18. С. 140] и акцентирует внимание на гражданственности. Гражданство формируется в системе отношений гражданского общества и государства и включает кластер значений: легальный и социальный статус; признаки политической идентичности; фокусировку культурной и политической лояльности; требование исполнения обязательств (долга) и ожидание исполнения прав; мерило правильного или одобряющего поведения в обществе [Там же. С. 53–54].

Дискуссия о гражданстве высветила многообразие аспектов, значений и противоречий в данном феномене. Их разрешение мы видим на пути интеграции основных аспектов феномена гражданина, этот путь выводит на следующее понимание гражданства. Гражданство как подчинение, фиксирующее статус принадлежности, подданства индивида государству, и гражданство как власть каждого члена данного государства, его активное «участие в господстве» составляют два предельных значения и измерения данного понятия. Политическая культура гражданина определяет возможность реализации этих двух измерений, выражающих разные исторические типы отношения государства и гражданина. Итак, гражданство как подданство – это статус индивида в традиционных обществах, в современных государствах он выступает в качестве нижнего уровня статуса гражданина. Этот уровень характеризуется подданнической политической культурой, предписываемой политической идентичностью, пассивной политической лояльностью как ощущением подчинения и принадлежности к конкретному государству и пассивным политическим поведением. Гражданство как политическое участие включает в себя подданство, но составляет более высокий уровень явления: на основе формального статуса гражданина формируются гражданская политическая культура, гражданская идентичность, активная лояльность государству и активная политическая деятельность (гражданское участие). Данная концептуальная модель института гражданства и феномена гражданина лежит в основе Конституции РФ (1993 г.). Однако спустя четверть века вновь разгорелась старая дискуссия относительно применимости данной концепции к российской действительности.

В последние годы в странах Центральной и Восточной Европы проявляются антилиберальные настроения и критическое осмысление копирования (имитации) западных либерально-демократических институтов, включая гражданство. «Идеология» антилиберализма порождена несколькими факторами: динамикой западных «образцов» в контексте глобализации и миграции; разочарованием населения этих стран в эффективности экономических и политических реформ, «протестом против унижений» из-за признания иностранной культуры выше собственной; стремлением восстановить национальное самоуважение путем отрицания западных институтов и ценностей в качестве образца для подражания [19. С. 13]. В России также сильны антилиберальные и антизападные настроения. В 1990-е гг. в Россию импортировалась модерна модель национального гражданства. В нынешних условиях на Западе наряду с данной моделью формируются модели постнационального, космополитического, глобального гражданства. Возникает кумулятивный эффект взаимодействия разнонаправленных внешних и внутренних политических факторов. Трудно реализовать модель национального гражданства в границах одного государства в условиях трансформации самой модели, а также вызовов и рисков, связанных с глобализацией. Понятны причины приверженности элит государств Центральной и Восточной Европы и России конструкции государственного суверенитета. Однако в данных государствах существуют и внутренние противоречия, вызванные установившимся политическим порядком, неэффективностью их собственных элит, отсутствием реальной нацеленности деятельности правительств на реализацию прав и свобод граждан.

Сложность описания феноменов российского гражданина и гражданства состоит в том, что существуют политические и юридические формы, фиксируемые наименованием данных феноменов и представленные законами, соответствующими западноевропейской модели. Однако содержание данных форм – различные аспекты онтологии российского индивида и его отношений с государством как совокупность условий, факторов и практик осуществления принципов и норм, закрепленных в юридической форме, – по нашему мнению, отличается принципиальным несоответствием данным формам. За политическим и юридическим термином «гражданин», который считается калькой европейского термина *citizen* и, как полагают, несет в себе европейскую модель отношений индивида и государства, реально скрывается иное содержание. Именно совокупность аспектов, процессов и тенденций в отношениях индивида и государства в России должна создавать (но не создает) условия и возможности для рядового индивида быть участником местного самоуправления и членом гражданского общества, образующим политическую общность граждан – нацию – как носителя государственного суверенитета, быть лицом, обладающим правом участия в управлении государством. Гражданин – юридическая и политическая форма, предназначенная для включения индивида в гражданское общество и нацию как основу национального государства.

Но что мешает реализации европейской модели гражданина и гражданства в российских условиях? Каково происхождение несоответствия формы реальному содержанию феномена гражданина в России? Устойчивое соотношение между формой и содержанием социального явления складывается

параллельно в ходе постепенной эволюции общества. Однако в сфере политики форма может быть придана содержанию целенаправленно, как искусственный идеологический конструкт, созданный из заимствованных элементов. Политические решения (законы) относительно формы конкретного политического явления принимаются в соответствии с интересами политической элиты. Поэтому форма может быть неадекватной фактическому содержанию и искажать его в разной степени. Отсюда острота проблемы несоответствия наименования (термина), обозначающего форму, фактическому содержанию явления (института). Подобное несоответствие в истории России возникает не впервые. Так, например, советские представительные институты с точки зрения либерализма являются выражением номинального конституционализма [20. С. 24]. По аналогии и советский институт гражданства, связанный с конституционным строем СССР, предстает как номинальное гражданство.

По нашему мнению, именно с начала установления власти большевиков в октябре 1917 г. возник разрыв между формально-юридической стороной феномена «гражданин» и содержательной. Несоответствие формы и содержания – вот базовая характеристика феномена советского гражданина и института гражданства в СССР. Данное несоответствие, на наш взгляд, в значительной степени воспроизводится российским государством в настоящее время. Перед исследователями стоит задача определить степень имперского и советского «наследства» в институте и практиках гражданства современной России. В эпоху сталинского правления в СССР был взят курс на антиимпериалистическую борьбу в колониальных и полуколониальных странах мира [21. С. 19]. Параллельно повороту от идей мировой революции к идее построения социализма в отдельно взятой стране и изоляционизму произошел возврат к имперским основам государственности в СССР. Это означало, что и во взаимодействиях с индивидом государство вернулось к традициям подданства в его архаическом виде. Произошел откат от достижений Февральской революции и возврат к монархическому подданству. Термины же «гражданство» и «гражданин», как и советская идеология, конституции и советское право, служили лишь средствами легитимации власти партноменклатуры внутри страны, а также инструментами демонстрации «прогрессивного» внешнеполитического образа страны.

В какой степени современное российское гражданство унаследовало черты советского гражданства? Э. Лор исследует институт гражданства с помощью понятия «граница гражданства», которое он определяет как «область взаимодействия граждан и притязаний их государства на суверенитет» [22. С. 8]. Он анализирует границы общности людей, составляющей государство, выделяет характеристики гражданства СССР, рассматривает традиционные элементы имперского и советского гражданства, унаследованные современной Россией. Советское гражданство пришло на смену подданству Российской империи и буржуазной республики Временного правительства и внесло новые идеологические принципы – классовую основу гражданства и новаторское решение женского вопроса. Одновременно большевистская власть использовала процессуальные нормы, связанные с подданством, принятые до реформ 1860-х гг. [Там же. С. 220]. Применяв термины «гражданин» и «гражданство» номинально, большевики отвергли их содержание как политических феноменов, связанных с осуществлением правового государства –

принципами верховенства права, равенства членов государства перед законом и др. Все эти принципы «буржуазного права» не соответствовали «советскому праву», базирующемуся на коммунистической идеологии.

Главным принципом советской политики гражданства, начиная с конца 1920-х гг., было обеспечение функционирования авторитарного государства. Уже в ходе Гражданской войны наметился разрыв между идеологическими лозунгами, с одной стороны, и практикой гражданства и применяемыми технологиями и процедурами – с другой. Политика гражданства осуществлялась под жестким контролем ОГПУ и НКВД, которые принимали важнейшие решения, определяли стратегию в этой сфере и осуществляли тайный контроль над населением. В секретных инструкциях НКВД содержалась установка подозрения по отношению к людям, въезжающим в страну. Она материализовалась во множестве процедурных препятствий для получения гражданства – в регистрации, чрезвычайном контроле над иностранцами, мерах уголовного преследования, арестах и казнях «подрывных элементов» и т.п. Суть советского подхода к гражданству заключалась в «лишении прав гражданства при сохранении обязанностей и самого статуса гражданина», то есть в создании некоей новой формы советского подданства [22. С. 252]. Большевики создали административную систему, основанную на дифференциации прав и обязанностей в зависимости от классового происхождения. Население фактически было разделено на граждан и «лишенцев». «Лишенцы» рассматривались в качестве врагов государства, их статус определялся исключительно обязанностями. В статусе последних в соответствии с меняющимися решениями ВКП(б) могли оказаться торговцы, духовенство, бывшие дворяне, полицейские, душевнобольные, этнические меньшинства и т.д. Но и среди людей, официально признаваемых гражданами, политического и юридического равенства установлено не было. Советские власти фактически воспроизводили имперские традиции формирования разных наборов прав и обязанностей для различных групп населения. Целью этих процедур и практик являлось наделение индивида обязанностями перед государством и ограничение прав, вплоть до их частичного или полного лишения.

Важнейшей чертой советской модели гражданства была не столько герметичность государства, сколько тотальный полицейский контроль над основной массой населения, даже соответствовавшего классово-идеологическим критериям советского гражданина. Такой контроль позволял использовать население в качестве рабочего материала государства, принуждая к выполнению обязанностей, наложенных госпартноменклатурой. Государство предоставляло гражданам некоторый минимум прав (на здравоохранение, образование и т.д.), но это не меняло сути этой модели – полицейского подхода к людям, низкой оценки их жизни, вечного подозрения и неуважения достоинства собственных граждан. Политическая система современной России после нескольких лет призывов к модернизации демонстрирует возврат к установкам на изоляционизм, враждебное отношение к внешнему миру и контроль над населением.

Означает ли это, что западноевропейская модель гражданства эпохи модерна, воплощенная в Конституции РФ (1993) и законе «О гражданстве РФ» (2002), служит лишь целям имитации феномена гражданина и института гражданства? Ответ на этот вопрос потребовал многолетних изысканий. На

основе анализа исследований гражданина и гражданства в политической науке, нами были разработаны методология социокультурного подхода и теоретическая модель гражданина. Структура модели включает институциональное, ментальное и личностное измерения, которые конкретизируются с помощью структурно-семантического каталога бинарных оппозиций: эгалитарное / элитарное, публичное / частное, вовлечение / исключение, участие / неучастие и др. [23. С. 94–103]. Эту модель мы использовали в качестве инструмента определения степени реализации прав и свобод российского гражданина. Были рассмотрены институциональные условия существования российского гражданина, т.е. действующий политический порядок, показаны возможности существования каждого россиянина в качестве частного и публичного лица, выявлено соотношение свободы и равенства в политических и правовых институтах и практиках. Также были изучены культурно-исторические основы ментальности современных россиян, сопоставлены их политическая культура и официальный дискурс, проанализированы восприятие гражданином его места в политике и другие аспекты онтологии российского гражданина [24].

Наши исследования приводят к выводам о том, что активное гражданство как полнота реализации политических прав гражданина не просто не реализуется даже в минимальной степени, но остается декларативным принципом Конституции РФ. В официальном дискурсе и практиках государственного управления дух Конституции РФ – конституционные права граждан – выхолощен до неузнаваемости [25]. Препятствия для политической активности современных российских граждан обусловлены не только социально-экономическим, правовым и политическим порядком, но и консервативно-идеологическим поворотом государства. Власть осуществляет курс на архаизацию политической культуры россиян с помощью государственной пропаганды, образовательной и символической политики. Совокупным эффектом действия этих факторов является низкий уровень политического участия россиян и периодически возникающие общественные протесты. Институты государства функционируют по преимуществу в качестве системы отстранения массового гражданина от участия в определении целей государственного управления, а граждане не становятся значимыми субъектами политики. В России не только не происходит «превращения буржуа в граждан», не формируется «политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности» [18. С. 142], но законсервирован процесс формирования буржуа – среднего класса, массового «частного человека» как носителя гражданских прав, являющихся основой прав политических. Поэтому нынешний статус российских граждан можно определить как номинальное (пассивное) гражданство, или подданство. Однако мы не исключаем возможности реализации европейской модели гражданства и гражданина в России в будущем, но прежде потребуются создать для этого комплекс фундаментальных политических и иных условий.

Литература

1. *Marshall T.H.* Class, citizenship, and social development. Westport : Greenwood press, 1973. 334 p.
2. *Marshall T.H.* Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge : Cambridge University Press, 1950. 154 p.

3. *Alexander J.* Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations. Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization / ed. by J. Alexander. London, 1998. P. 1–19.
4. *Barbalet J.M.* Citizenship: rights, struggle, and class inequality. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1988. 119 p.
5. *Bendix R.* Nation-building and citizenship: studies of our changing social order. New Brunswick : Transaction Publishers, 1996. 455 p.
6. *Riedel M.* Buerger, Staatsbuerger, Buegertum. Ges-chichtliche grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart : Ernst Klett Verlag, 1972–1995. Bd. 2.
7. *Somers M.R.* Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: the Place of Political Culture and the Public Sphere // *Sociological Theory*. 1995. Vol. 13, № 3. P. 229–274.
8. *Turner B.S.* Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. London : Allen and U, 1986.
9. *Хьюбер Дж.Д.* Два взгляда либеральной демократии на конгруэнтность граждан и политиков // *Теория и практика демократии : избранные тексты / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М., 2006. С. 281–290.*
10. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.
11. *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // *Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : московские лекции и интервью. М. : Наука, 1995. С. 211–213.*
12. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. 635 с.
13. *Малахов В.С.* Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // *Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла; пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. С. 7–50.*
14. *Малинова О.Ю.* Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // *ПОЛИС: Политические исследования. 2004. № 5. С. 7–17.*
15. *Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : Новое лит. обозрение ; Ин-т философии РАН, 2014. 232 с.
16. *Перегудов С.П.* Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству // *ПОЛИС: Политические исследования. 2004. № 3. С. 95–103.*
17. *Межуев Б.В.* Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // *ПОЛИС: Политические исследования. 2004. № 5. С. 19–27.*
18. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 224 с.
19. *Крастев И., Холмс С.* Имитация и ее отрицание // *Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1 (128). С. 11–20.*
20. *Медушевский А.* Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // *Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1 (128). С. 21–40.*
21. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М. : Логос, 2004. 368 с.
22. *Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу / пер. с англ. М. Семиколенных. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 344 с.
23. *Фан И.Б.* Концепт гражданина в политической мысли. Методологические подходы и теоретические модели. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011. 412 с.
24. *Фан И.Б.* Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 67–82.*
25. *Фан И.Б.* Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург : Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2018. 332 с.

Irina B. Fan, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: Irina-fan@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 246–254.

DOI: 10.17223/1998863X/52/22

THE WESTERN EUROPEAN MODEL OF NATIONAL CITIZENSHIP IN RUSSIAN CONDITIONS**Keywords:** citizenship; nation; national identity; political participation; state sovereignty.

The article analyzes the problem of determining the real content of the institution of citizenship in Russia, reveals its quality and the degree of implementation of the concept and model of the Western European citizen and citizenship of the Modern Age. The article reveals the main provisions of the modern concept of citizenship, which is based on the ideas of Thomas Marshall. The core of this concept is two aspects of a citizen's existence that have institutional forms: (1) as an object of the state: a citizen, a passive member of the political community and (2) as a political actor with constitutional rights to participate in the governance of the nation-state. The transformation of the classical model of citizenship under the influence of globalization and migration is studied. The main positions of the Western and Russian participants of the discussion developed around these changes are presented. Anti-liberal sentiments and criticism of liberal democratic values and institutions, including national citizenship, are spreading in Central and Eastern European states, as well as in Russia. The hypothesis of the author of the article is as follows. There are political and legal forms fixed in the Constitution of the Russian Federation (1993) and in the law "On Citizenship" (2002) by the terms "citizen" and "citizenship", mainly corresponding to the Western European model of these phenomena. However, the content of these forms—various aspects of the ontology of Russian citizens and their relations with the state—does not correspond to the European model. The author shows that the origin of this discrepancy lies in the Soviet model of relations between the state and the population, which can be characterized as nominal citizenship and, in fact, allegiance. The article reveals the nature of Soviet citizenship as a heritage largely preserved in today's Russia. The author solves the problem of identifying the nature of citizenship in modern Russia using the methodology of a sociocultural approach and the theoretical model of the citizen. The use of this model allows testing the set of institutional, mental and personal conditions of the ontology of Russian individuals and drawing conclusions that the constitutional status of a citizen as a person with political rights to participate in the governance of the state is not realized in modern Russia. The author defines the current status of Russians as nominal, imitative, passive citizenship.

References

1. Marshall, T.H. (1973) *Class, Citizenship, and Social Development*. Westport: Greenwood press.
2. Marshall, T.H. (1950) *Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Alexander, J. (1998) Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations. In: Alexander, J. (ed.) *Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization*. London: Springer. pp. 1–19.
4. Barbalet, J.M. (1988) *Citizenship: Rights, Struggle, and Class Inequality*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
5. Bendix, R. (1996) *Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order*. New Brunswick: Transaction Publishers.
6. Riedel, M. (1972–1995) Buerger, Staatsbuerger, Buergerum. In: Koselleck, R. (ed.) *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Vol. 2. Stuttgart: Ernst Klett Verlag.
7. Somers, M.R. (1995) Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: The Place of Political Culture and the Public Sphere. *Sociological Theory*. 13(3). pp. 229–274. DOI: 10.2307/223298
8. Turner, B.S. (1986) *Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism*. London: Allen and U.
9. Huber, J.D. (2006) Dva vzglyada liberal'noy demokratii na kongruentnost' grazhdan i politikov [Two views of liberal democracy on the congruence of citizens and politicians]. In: Dahl, R.A. et al. *Teoriya i praktika demokratii* [The Democracy Sourcebook]. Translated from English by V.L. Inozemtsev, B.G. Kapustin. Moscow: Ladomir. pp. 281–290.
10. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and nationalism after 1780]. St. Petersburg: Aleteyya.

11. Habermas, Ju. (1995) *Demokratiya. Razum. Nравstvennost': Moskovskie leksii i interv'yu* [Democracy. Mind. Morality: Moscow lectures and interviews]. Translated from German by T.Yu. Borodai et al. Moscow: Academia. pp. 211–213.
12. Huntington, S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noj identichnosti* [Who are we? Challenges to American national identity]. Translated from English. Moscow: AST: Tranzitkniga.
13. Malakhov, V.S. (2011) *Grazhdanstvo kak ob'ekt sotsial'noj i filosofskoy teorii: kriticheskoe vvedenie* [Citizenship as an object of social and philosophical theory]. In: Kapustin, B.G. *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship and Civil Society]. Moscow: HSE. pp. 7–50.
14. Malinova, O.Yu. (2004) *Grazhdanstvo i politizatsiya kul'turnykh razlichiy. Razmyshleniya po povodu nekotorykh tendentsiy v angloyazychnoy politicheskoy filosofii* [Citizenship and politicization of cultural differences. Reflections on some trends in English-language political philosophy]. *POLIS: Poliicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 7–17.
15. Malakhov, V. (2014) *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsiy* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migration]. Moscow: NLO; RAS.
16. Peregudov, S.P. (2004) *Transnatsional'nye korporatsii na puti k korporativnomu grazhdanstvu* [Transnational corporations on the way to corporate citizenship]. *POLIS: Poliicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 95–103.
17. Mezhuev, B.V. (2004) *Postkolonial'nyy perekhod i “transnatsionalizatsiya” grazhdanstva* [Post-colonial transition and “transnationalization” of citizenship]. *POLIS: Poliicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 19–27.
18. Kapustin, B.G. (2011) *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship and Civil Society]. Moscow: HSE.
19. Krastev, I. & Holmes, S. (2019) *Imitatsiya i ee otritsanie* [Imitation and its denial]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 1(128). pp. 11–20.
20. Medushevsky, A. (2019) *Konstitutsiya i sotsial'nyy zapros na izmeneniya v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Constitution and social demand for changes in modern Russian society]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 1(128). pp. 21–40.
21. Wallerstein, I. (2004) *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The end of the familiar world: Sociology of the 21st century]. Translated from English by V.I. Inozemtsev. Moscow: Logos.
22. Lore, E. (2017) *Rossiyskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soyuzu* [Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union]. Translated from English by M. Semikolenykh. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
23. Fan, I.B. (2011) *Kontsept grazhdanina v politicheskoy mysli. Metodologicheskie podkhody i teoreticheskie modeli* [The concept of citizen in political thought]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG.
24. Fan, I.B. (2013) *Politicheskoe uchastie v Rossii: isklyuchenie “pod prikrytiem” vklyucheniya* [Political participation in Russia: exclusion “undercovered” as inclusion]. *Nauchnyy ezhegodnik In-ta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii Nauk – Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 13(1). pp. 67–82.
25. Fan, I.B. (2018) *Politicheskaya ontologiya rossiyskogo grazhdanina: sodержanie protiv formy* [The political ontology of a Russian citizen: content vs form]. Ekaterinburg: RANEPА.